
Староверческие общины на территории Швеции на рубеже XVII–XVIII вв.

Александр Старицын

Old Believer community in Sweden at the turn of XVII–XVIII centuries
*Aleksander Staritsyn (Institute for Scientific information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences)*

В 1617 г. по Столбовскому договору Русское государство уступило Швеции часть своей территории вместе с населением. На протяжении более 80 лет православные приходы находились на территории неправославного государства, в изоляции от церковного начальства. История православия на территории Швеции в XVII в., несмотря на наличие многочисленных работ, посвящённых этой проблеме, изучена ещё недостаточно. Вне поля зрения учёных остались вопросы, касающиеся влияния на конфессиональную ситуацию в Швеции проводившейся в России церковной реформы. Некоторые из них я попытаюсь осветить в данной статье.

Копорский, Ямской, Ивангородский, Ореховский и Корельский уезды, отошедшие к Швеции, в церковном отношении подчинялись новгородским митрополитам. Формально эта связь была нарушена в 1617 г., но *de facto* общение православных прихожан, ставших шведскими подданными, со священниками из России продолжалось. Между шведскими и русскими властями шла тайная борьба за население, в которой религиозный вопрос играл немаловажную роль¹. Официальные лица Шведского государства в первые годы после заключения мира не препятствовали поездкам православных священников со шведской территории к новгородскому митрополиту для поставления, за благословением и другими нуждами. Он унижал и ругал священников, вынужденных остаться в Швеции; шведы же выступали в их защиту, полагая, что этим удержат в Швеции зависимых от духовенства прихожан.

Русское правительство старалось использовать влияние священников для переманивания населения на свою территорию, а шведы путём уговоров и обещаний различных льгот пытались распространить лютеранство в провинциях, населённых православными финнами, однако в дальнейшем стали проводить негласную политику выдавливания православия за пределы королевства. Особенно шведские власти были обеспокоены бесконтрольным нарушением границы с русской стороны православным духовенством. В 1649 г. на съезде послов шведская делегация упрекала русских представителей, что «приезжают... попы и... крестят в русскую веру тайно... и с собою де, подговоря, многих королевских подданных и в свою сторону вывозят, и митрополит де и игумены то им, попом, что они крестят королевских подданных, в похвалу ставят»².

© 2016 г. А.Н. Старицын

¹ Чепель А.И. Диалог через границу: русско-шведская борьба за подданных после заключения Столбовского мира // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 29: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М., 2009. С. 162.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее – ААЭ). Т. III. СПб., 1836. С. 147–148, 180; Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов, извлечённых из

Шведы грозили вешать попов на границе, но документы не зафиксировали ни одного примера исполнения этой угрозы.

Война 1656–1658 гг. внесла свои коррективы. Взаимное ожесточение, сопровождавшее боевые действия и носившее выраженный конфессиональный характер, вызвало массовое бегство в Россию православного населения Швеции³. Шведское правительство предприняло попытку заселить освободившиеся земли финнами-лютеранами, а для оставшегося православного населения провозгласило некоторые привилегии в религиозной жизни. Так, в двух жалованных грамотах от 4 июля 1662 г. и 29 ноября 1664 г. Карл XI позволял русским жителям Ругодива и Ивангорода выбирать священников из своей среды или приглашать их из-за границы (с условием жить с паствой и быть послушными шведским законам).

Некоторые исследователи были склонны трактовать эти льготы как разрешение строить храмы и получать священников из России⁴. Однако объявленные королём привилегии были не более чем декларацией: официальная политика его правительства в отношении религиозного меньшинства оставалась сдержанной и игнорировала интересы православных. Церковное устройство и администрация в новых провинциях отвечали требованиям законов Шведского государства и Шведской лютеранской церкви.

Население Ингерманландии и Кексгольмского лена (Корельского уезда), независимо от вероисповедания, в церковном отношении подчинялось нарвскому суперинтенданту. Ингерманландия была разделена на 2 пробства – Ниенское (10 погостов) и Ивангородское (13 погостов). Кексгольмский лен разделялся на северную и южную половины, которые, в свою очередь, делились на 14 приходов (соответствовавших бывшим погостам Корельского уезда). Деятельность священников контролировали пробсты. Православные наравне с лютеранами вынуждены были платить сборы на содержание лютеранского духовенства и, сверх того, за совершение православных обрядов⁵.

В 1640 г. была изобретена процедура посвящения православных священников лютеранским суперинтендантом. Понимая всю её нелепость и абсурдность с канонической точки зрения, православные неоднократно (в 1640, 1646, 1650 гг.) обращались к правительству с просьбой разрешить им привезти из России, Константинополя или Киева епископа для поставления священников, но всякий раз получали отказ. Шведские власти приветствовали переход в лютеранство как простых мирян, так и священников, обещая им различные льготы. В 1680-е гг. политика лютеранизации достигла апогея. На эти годы приходится деятельность нарвского суперинтенданта епископа Гецелиуса-младшего, который наряду с генерал-губернатором Ингерманландии и Кексгольмской области Йёраном Сперлингом явился ревностным исполнителем королевских распоряжений относительно религиозного просвещения финнов⁶.

Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива и касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897. С. 82–83, 209.

³ Гадзяцкий С.С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества // Исторические записки. Т. 16. М., 1945. С. 53.

⁴ ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. С. 183, 200; Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893. С. 22.

⁵ Гуптинг А.И. Нева и Ниеншанц. Ч. II. СПб., 1909. С. 224, 230, 231, 232, 236. Пробст – старший лютеранский пастор, наблюдавший за несколькими приходами.

⁶ Там же. С. 185, 221, 225, 226.

Шведский историк Карл Эландер связывал рост религиозной борьбы в Восточно-Балтийских провинциях Швеции с изданием указа Карла XI от 4 мая 1683 г. Король предложил привлекать иноверцев к посещению лютеранских церквей в дни больших праздников и обязать лютеранских пасторов наставлять прихожан в вере у них дома. Одновременно русскому духовенству запретили совершать требы среди православных финнов. За переход в лютеранство монарх обещал освобождение от подушной подати сроком на 60 лет (это обещание никогда не исполнялось)⁷.

Суперинтендант Гецелиус предписывал лютеранским священникам обучать финнов основам лютеранской веры не реже раза в месяц, составлять списки принадлежащих к лютеранству и оставшихся в православии. Православным запрещалось общаться с лютеранами; православным священникам запрещалось исполнять требы среди лютеран. Признаком, по которому рекомендовалось определять принадлежность к лютеранству или православию, было знание русского языка. Те, кто не мог на нём изъясниться, автоматически зачислялись в лютеране. Пасторы должны были следить, чтобы эти лица не посещали православных церквей и не принимали участия в православных празднествах. Гецелиус призывал духовенство внушать финнам, что поклоняться иконам дурно и смешно, склонять финнов к отказу от ношения русской одежды и нательного креста, от соблюдения постов. Перешедшие в лютеранство освобождались от выкупа невест, работы в дни лютеранских праздников и платы православному духовенству (православные оплачивали содержание и православного, и лютеранского духовенства).

Генерал-губернатор Сперлинг содействовал инициативе Гецелиуса. В звании от 12 мая 1684 г. он с неудовольствием отметил, что в округе дворяне и крестьяне препятствуют суперинтенданту в деле «просвещения» финнов. Он запретил местным жителям посещать иные церкви, кроме лютеранских. Только лица, говорящие на русском языке, могли считаться православными (другим под страхом наказания было запрещено посещать православное богослужение и участвовать в православных праздниках). Сперлинг, угрожая конфискацией имущества и ссылкой, требовал от православных священников отказаться от религиозной проповеди среди финнов.

Правительственные действия вызывали негативную реакцию у православного населения. В Дудергофском приходе крестьянин ингрик Тимофей Кусма отказался изменить вере, хотя не понимал русского языка. Он настолько резко ругал лютеранство, что вызвал ярость у комиссара Гендриксона, который, сорвав со стены икону, стал топтать её ногами и приказал разыскать и уничтожить все иконы в окрестности. Эти меры вызвали ожесточённое сопротивление финнов. В Ниене пастор Ланг удержал обращённых в лютеранство финнов от посещения православных праздников, лишь прибегнув к помощи полиции. Жители Ниена прятались от пастора в лесу. То же происходило и в других местностях. Во время путешествия по Ингрии в июле–августе 1684 г. суперинтендант Гецелиус встретил сопротивление в селениях Пиллала, Новоселках, Ивановском, Копорье, Теглице, Молосковицах⁸.

⁷ *Öhlander C.* Om den svenska kyrkoreformationen uti Ingermanland: ett bidrag till svenska kyrkans historia ären 1617–1704. Uppsala, 1900. S. 123–124.

⁸ *Ibid.* S. 126–146; *Андреев А.И.* Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы.* Вып. XXXIII. Л., 1926. С. 351–354.

Жалобы на притеснения православных в Швеции дошли до московского правительства, которое отреагировало незамедлительно. Вопрос о бедственном положении православных в Колывани, Ижорской и Карельской землях поднимался на переговорах шведских и русских послов в Москве в мае 1684 г. В дополнительное соглашение, заключённое 22 мая 1684 г., была внесена статья, требовавшая соблюдения условий Кардисского договора 1661 г. о свободном исповедании православной веры на уступленных Швеции территориях⁹. Впрочем, изменилась ситуация лишь в отношении Никольской церкви в Колывани, ключи от которой были возвращены русским представителям. В других местах продолжалось наступление на православие. Это побудило русское правительство весной 1685 г. послать в Швецию тайного агента с целью выяснить на месте положение православных приходов в бывших русских Ижорской и Карельской землях.

В качестве агента выступил гость Иван Семёнов, оказавшийся, несмотря на молодой возраст (не больше 20 лет), удачным кандидатом для такого сложного задания. Он был грамотным и предприимчивым человеком, неоднократно бывал в Швеции по торговым делам отца. В 1683 г. его привлекли к следственному делу о новгородских староверах. Испугавшись пытки, Семёнов не только выдал всех, кого знал, но и активно сотрудничал со следствием. По его указаниям были разгромлены староверческие пустыни в окрестностях болота Невьи Мхи, арестованы и казнены лидеры староверов Иван Дементьев, старец Варлаам и др. Отцу Ивана, гостю Семёну Гаврилову, пришлось использовать все свои связи при дворе, чтобы избавить сына от пытки и наказания. Стремясь реабилитировать себя в глазах правительства, Иван Семёнов блестяще выполнил задание, представив подробный отчёт о состоянии православия в Швеции на бывших русских землях¹⁰.

Семёнов начал с православных приходов в Ореховской области и двигался оттуда на запад до Копорья. От Копорского уезда он повернул на восток, к погосту Куйваси (Куйваши), завершив, таким образом, описание Ижорской земли. В Ивангородский и Ямбургский уезды он не поехал, полагая, что там не было церквей и священников, а только «не во многих местех часовни»¹¹. В Ореховском, Канецком и Копорском уездах он обнаружил только трёх священников; в Орешке шведы в церкви устроили конюшню. В Канцах на месте разрушенной Преображенской церкви стояла часовня, где служил поп Сидор, посвящённый в 1680 г. в священники ругодивским суперинтендантом. Впрочем, Сидор не придавал этому посвящению особого значения, поскольку в попы он был поставлен задолго до того в Новгороде. В его приходе было около 500 дворов, и на большие праздники в часовню собиралось свыше 300 человек¹².

В селе Куйваши вместо разорённой Ивановской церкви была построена часовня, где служил поп Фома, бежавший с семьёй из России. Он имел поставление от митрополита Макария и до бегства в Швецию служил в Георгиевской

⁹ ПСЗ-1. Т. 2. С. 620–621.

¹⁰ Андреев А.И. Указ. соч. С. 347, 355; Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв.: Учебное пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 81–82; Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998. С. 151–153; Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 189, 195; РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, д. 8569, л. 2; ф. 159 (Приказные дела новой разборки), оп. 1, д. 1395, л. 349, 376.

¹¹ РГАДА, ф. 96 (Сношения России со Швецией), д. 3 (1685 г.), л. 8.

¹² Там же, л. 6–8; Андреев А.И. Указ. соч. С. 356.

церкви села Оломно Солецкого погоста Новгородского уезда¹³. В Копорском уезде, в селе Горы, в Никольской церкви служил также бежавший из России поп Андрей. Его приход насчитывал боле 200 дворов. Русские священники Пётр и Семён, беглецы из России, служили в Благовещенской церкви в Ивангороде. В Ивангородском и Ямбургском уездах вместо церквей стояли часовни, священников в них не было, а ключи держали у себя крестьяне. В Корельском уезде Иван Семёнов обследовал в первую очередь приладожские погосты, а затем углубился на север до Иломантского погоста. Почти в каждом из 14 осмотренных погостов он обнаружил церковь или часовню и большое количество православного населения. В семи погостах священники отсутствовали, а в семи были беглые попы из России, в частности из Олонца¹⁴.

Из отчёта Семёнова следует, что большинство православных священников в Швеции являлись беглецами из России. Наиболее вероятной причиной массового оставления своих приходов на родине и ухода за границу было несогласие священников с проводившейся в России церковной реформой. Об этом свидетельствуют материалы допроса крестьянина Новгородского уезда Тигоцкого Ильинского погоста деревни Хоченья Семёна Яковлева, проведённого в Синоде в 1725 г., когда тот подал «доношение» с просьбой принять его обратно в лоно господствующей церкви. Он рассказал о своей жизни в Швеции в конце XVII в. Бежав из Новгорода в Нарву, он разыскал священника Иосифа (тоже беглеца из России), служившего по старому обряду. Семён Яковлев два года прожил в Нарве, женился на дочери выходца из России старовера Терентия. Обряд венчания совершил Иосиф, пропавший без вести в самом начале Северной войны¹⁵.

В 1677 г. в соседней со Швецией Курляндии в деревне Лигинишки близ Динабурга поселился не признавший церковные изменения и бежавший из России священник Терентий. Через год он стал настоятелем основанного здесь в 1660 г. беглецами из России храма, возглавив местную общину староверов. В 1699 г. в деревне Балтруки по благословению Терентия староверами была устроена моленная. Он умер в 1704 г., оставив преемником своего сына Афанасия, под руководством которого в 1710 г. в деревне Пущи была построена ещё одна моленная¹⁶.

Курляндия продолжительное время оставалась безопасным местом для староверов. Рижский обер-иеромонах Маркелл Радышевский, сознавая свою беспомощность, жаловался в Синод 19 августа 1723 г., что «многие де расколщики кроются в Курляндии, также и протчие российские люди, которые служат у них, курляндцов, ниже исповедываютьца, ниже причащаются Христовых таин и умирают без покаяния... многие де расколщики из Риги в мимошедшую святую четыредесятницу приходили, чтоб не причащаются Христовых таин, ни исповедатися, и крыются недалеко от Риги в Курляндии»¹⁷.

Попытки церковных представителей из России повлиять на ситуацию в Курляндии пресекались герцогиней Анной Иоанновной, не позволявшей бес-

¹³ РГАДА, ф. 96, д. 3 (1685 г.), л. 8; ф. 1209, оп. 1, д. 984, л. 408 об.

¹⁴ Там же, ф. 96, д. 3 (1685 г.), л. 8, 10, 12.

¹⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее – ПСПР). Т. V. СПб., 1881. С. 135–136; Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода (далее – ОДДС). Т. V. СПб., 1897. С. 356.

¹⁶ Маркелов Г.В. Дегуцкий летописец // Дрвнлехранилище Пушкинского Дома: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 186, 190.

¹⁷ ПСПР. Т. IV. СПб., 1876. С. 203.

контрольно вмешиваться в духовные дела на территории герцогства. В письме в Синод на имя новгородского архиепископа Феофана Прокоповича от 4 октября 1726 г. она возмущалась поведением рижского духовного заказчика Симеона Ярмерковского: «А понеже вашему архиерейству чаю известно, что до наших дворских церквей кроме всего Святейшаго Синода мешаться не надлежит, еще же и в заграничное место протопопу такие указы посылать, что мне предосудительно»¹⁸.

Как отмечали многие исследователи, православное богослужение в Швеции долго сохраняло дореформенное состояние, т.е. было по сути староверческим. Церковная реформа не смогла преодолеть государственную границу, что притягивало сюда многих беглецов из России. Особый приток староверов по шведским источникам отмечался после 1683 г.¹⁹ С этими свидетельствами согласуются данные русских архивов. Во время розыска противников церковных нововведений в Новгородской земле в 1680-х гг. за рубеж бежали многие убеждённые староверы. Так, в 1683 г. в Нарву сбежал служащий гостя Семёна Гаврилова Абрам Фёдоров. Его арестовали в деревне Заслуховье, где он остановился с товаром, следуя в Швецию. При нём были обнаружены тетради с рисунками и выписками из различных книг антиреформенного содержания. Будучи отдан на поруки, Абрам Фёдоров решил не испытывать судьбу и бежал за границу вместе с тремя поручителями. За ними в Ругодив был послан подьячий и митрополичий стряпчий, но поиски не увенчались успехом²⁰.

В 1685 г. за границу бежал некий Тимофей, который перекрещивал крестьян и учил их не ходить в новообрядные церкви. Вместе с ним ушли около 50 человек его учеников. Из отписки митрополита Корнилия следует, что в 1684 и 1685 гг. из новгородских волостей и погостов бежали в Швецию многие помещичьи крестьяне и бобыли²¹. П.С. Смирнов отождествляет указанного Тимофея с известным деятелем староверческого движения Тимофеем Иевлевым (Иовлевым)²². В показаниях вышеупомянутого крестьянина Семёна Яковлева говорилось, что его и многих его родственников перекрестил новгородец Тимофей Иевлев, проживавший у своего брата подьячего, тоже Тимофея: «В прошлых давних годех явился в Новеграде самозаконник, любоначальный самочинник, мужик Тимофей Иевлев и крестил второе множество народа и отлучил соборная апостолския церкви, тогда и мои сродники прельстишася и меня крестиша второе седми лет»²³.

Старообрядческие сочинения содержат сведения о существовании староверческих общин в Ингерманландии, а именно в Копорском уезде и под Нарвой. О семье Иевлевых рассказал Иван Филиппов в специальной главе «Истории Выговской пустыни». Тимофей, Симон и ещё один Тимофей были сыновьями

¹⁸ ОДДС. Т. VI. СПб., 1883. С. 328.

¹⁹ *Öhlander C.* Op. cit. S. 164; *Катаяла К.* Дымом в Царствие Небесное: самосожжения староверов в Шведской Карелии в конце XVII в. // Выговская поморская пустынь и её значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. СПб., 1994. С. 35; *Селин А.А.* Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога, 2000. С. 36.

²⁰ РГАДА, ф. 159, оп. 1, д. 1395, л. 160–162, 216–223.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. V. СПб., 1842. С. 220

²² *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. XVII–XVIII.

²³ ПСПР. Т. V. С. 135.

новгородского священника. Братья некоторое время вместе с матерью жили в нижегородских пустынях, но после её смерти вернулись в Новгород. Здесь они скрывались у «христороубцев» и часто беседовали с отцом, который в результате этих бесед оставил священство. Из новгородского следственного дела 1683 г. известен лукинский священник поповский староста Иов Иванов, которого можно отождествить с отцом братьев Иевлевых²⁴. Старший Тимофей действовал в Новгороде и Старой Русе, проповедуя старую веру, и умер в новгородских пределах.

Смирнов, обнаружив у Филиппова указание на то, что братья Иевлевы уезжали в нижегородские пустыни, выдвинул предположение, что Тимофей в 1685 г. бежал не в Швецию, а вместе с братьями в Поволжье²⁵. Но согласиться с этим нельзя. Во-первых, в повествовании Филиппова сказано, что Иевлевы уехали в Поволжье в молодом возрасте. Во-вторых, младший Тимофей (у которого укрывался старший Тимофей во время его проповеднической деятельности) мог стать подьячим только после возвращения братьев в Новгород. В-третьих, Филиппов ясно выразился, что непосредственно после возвращения из «нижегородских пустынь... большей брат нача скитатися, храня древлецерковное благочестие, тайно крыясь в Новеграде»²⁶.

Если верно предположение Смирнова о том, что упомянутый в грамоте новгородского митрополита Корнилия старовер Тимофей – это Тимофей Иевлев, то в 1685 г. он бежал не в Поволжье, а именно в Швецию. О его нахождении в Швеции свидетельствует Житие Феодосия Васильева, где Тимофей Иевлев упоминается в числе «духовных людей» копорской общины²⁷. Его брат Симон тоже отправился из Новгорода (не исключено, что они уехали вместе) за шведскую границу «в Копорщину», и там принял участие в создании общины староверов. Симон, как человек грамотный, сын священника, хорошо знающий церковную службу, стал наставником в общине.

Община просуществовала более 20 лет и распалась из-за внутренних разногласий во время Северной войны²⁸. Впрочем, они начались намного раньше: «житие зазорное имаху противно канонам. Держаху убо при себе девиц, и жен, и сродниц, но весма чужих сущих. И с ними овии в пустынях, инии во градах и селех пребываху, но наедине. Откуда в таковых и явные зазоры породишася, от иных же лживая провещания, аки бы от святых явления показашася». Из Новгорода в Копорский уезд был послан Феодосий Васильев, который настаивал на раздельном проживании мужчин и женщин. Ему удалось убедить копорских общежителей «отложить зазорное житие».

В Житии Феодосия Васильева, помимо Иевлевых, перечисляются первенствующие люди общины, духовные учителя: Григорий Фёдоров Ондворский, Дмитрий Игнатъев Пяткин, Селивестр, Митрофан Трофимов, Ипатий Филатов²⁹. Почти все они (за исключением Селивестра) были упомянуты в соборном приговоре 1692 г., осудившем взгляды другого известного деятеля раннего старообрядчества – Ивана Коломенского³⁰. В то же время их имён нет среди

²⁴ РГАДА, ф. 159, оп. 1, д. 1395, л. 213.

²⁵ Смирнов П.С. Внутренние вопросы... С. XVIII.

²⁶ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 340–341.

²⁷ Житие Феодосия Васильева, основателя феодосиевского согласия, написанное сыном его, Евстратом, в 7250-м году // ЧОИДР. 1869. Кн. II. Разд. V. Смесь. С. 77.

²⁸ Филиппов И. Указ. соч. С. 340–342.

²⁹ Житие Феодосия Васильева... С. 77.

³⁰ Журавлёв А.И., протоиерей. Полное историческое известие о древних стригольниках и

отцов, подписавших соборное уложение 1694 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что проблемы, возникшие в жизни копорской общины, совпадают с вопросами, вынесенными на обсуждение Собора 1694 г. в Новгороде и нашедшими отражение в соборном уложении³¹. Уместно предположить, что Собор явился откликом на копорские события и состоялся непосредственно после возвращения Феодосия в Новгород из длительной заграничной поездки. Евстрат Федосеев, автор Жития Феодосия Васильева, не случайно поместил в своём сочинении рассказ о действиях Феодосия в Копорье после сообщения о его поездке на Чёрную мызу, которая имела место в 1692 г.³²

Разыскиваемый в России Иван Коломенский бежал в Швецию, поселился недалеко от Нарвы, на Чёрной мызе, и там, вероятно, возглавил староверческую общину³³. Точное время переселения Ивана Коломенского в Швецию неизвестно. Однозначно можно утверждать, что в 1692 г. он уже жил в Швеции, потому что в том году против него был собран Собор на Чёрной мызе³⁴. Происхождение Ивана Коломенского связывали с городом Коломной. Однако в Новгородском уезде существовало несколько погостов, имевших название Коломенский. Под похожим именем (Иван Коломский) известен новгородский торговый человек, родственник гостей Стояновых, вместе с ними торговавший в Швеции³⁵. По-видимому, он и был учеником старца Варлаама и Ивана Дементьева. Окончательно обосновавшись в Швеции, Иван Коломенский разошёлся во взглядах на церковное устройство с новгородскими староверами, которые совместно с копорскими единоверцами созывали против него в 1692 г. Собор на Чёрной мызе³⁶.

В соборном приговоре 1692 г. перечисляются единомышленники Ивана Коломенского, вероятно, также проживавшие в Швеции: Григорий Белонский (или Белохин), Прохор Псковитин, Венедикт Шелоиц, Иван Москвитин, Гаврила Никифоров, Анисим Савельев, Мелетий Автономов Рушакин, Кирилл Емельянов, Родион Марков, Дмитрий Павлов, Михаил Пименов. Биограф Феодосия прибавляет к этому перечню ещё два имени: Марк и Евсевий Кондратьев. Последний фигурировал в митрополичьих грамотах о розыске Ивана Коломенского как его крестьянин Евсевий Кондратьев Спячего. В соборном приговоре 1692 г. упоминается также другая группа шведских староверов, которая выступила с критикой взглядов Коломенского и явилась инициатором созыва против него Собора: Илья Яковлев, Евсей Григорьев, Спиридон Максимов, Захарий Ларионов Бедринский, Михаил Филимонов, Роман Федосеев³⁷.

новых раскольников, так называемых старообрядцах, собранное из потаённых старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святого Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. СПб., 1855. С. 69.

³¹ Смирнов П.С. Внутренние вопросы... С. 41–45.

³² Житие Феодосия Васильева... С. 76–77.

³³ Журавлёв А.И. Указ. соч. С. 68; Макарий (Булгаков), епископ. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855. С. 266; Смирнов П.С. Внутренние вопросы... С. XIX.

³⁴ Журавлёв А.И. Указ. соч. С. 69–70.

³⁵ Там же. С. 68; Есинов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлечённые из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. Т. 1. СПб., 1861. С. 87; Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853. С. 121, 144, 159, 188; Варенцов В.А. Указ. соч. С. 51; Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 89.

³⁶ Журавлёв А.И. Указ. соч. С. 68–73; Смирнов П.С. Внутренние вопросы... С. LXXXVIII.

³⁷ Житие Феодосия Васильева. С. 76; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. XII. СПб., 1872. С. 310; Журавлёв А.И. Указ. соч. С. 69–70.

Шведская граница была для староверов спасительным рубежом, за которым можно было укрыться от преследований русских властей. Со шведами, заинтересованными в увеличении населения, они умели договариваться: «Сперва за шветскими живяше, избегши с руской земли для гонительства Никоновых новолюбителей, и беседоваша с их властью и бискупами о вере, и оне их охраняху, токмо им платежи оброки платяху, а о вере их не истязаху. А их земли мызы пахаху и торговаху всяк на себя, и кормяхуся живуще несколько времени за ними»³⁸. Отношение шведского правительства к староверам, надо полагать, было благоприятным, поскольку они отчасти возмещали отток православного населения из Швеции. Более того, сам король проявил интерес к их образу жизни и особенностям вероучения. По его заданию суперинтендант Гецелиус предпринял поездку в места, заселённые староверами, беседовал с ними и признал многие стороны их быта и убеждений разумными и достойными уважения³⁹. Местное население, сохранившее старое православие, охотно принимало и разделяло идеи вышедших из России староверов.

С 1685 г. реформированный обряд всё же получил распространение в Швеции. По сведениям ряда исследователей, тогда между русским и шведским правительствами была достигнута договоренность о возобновлении Корельской и Ладожской епархии со статусом викариатства. Первым викарным епископом сюда был назначен бывший тамбовский епископ Леонтий. О его деятельности в новом качестве епископа Корельского и Ладожского никаких сведений не выявлено, на основании чего П.М. Строев и И.М. Покровский не признавали существования в 1685–1690 гг. Корельского викариатства⁴⁰. Вопрос остаётся нерешённым, но, пожалуй, не случайно в 1686 г. в грамоте патриарха Иоакима к новгородскому митрополиту Корнилию говорилось об обращении православных жителей «Свейского государства градов» к русским иерархам с просьбой разрешить построить храмы на месте разрушенных и поставить им новых священников⁴¹.

Можно допустить, что новгородский митрополит в то время уже имел оговорённое с властями Швеции право поставлять священников в приходы, находившиеся в её пределах. Это предположение подтверждает свидетельство архиепископа Холмогорского и Важенского Афанасия, упомянувшего, что священники ивангородской церкви «хиротонию емлют от новгородского архиеерея». Также из Новгорода, как отметил Афанасий, присылался священник в часовню, находившуюся в гостинном дворе в Стокгольме⁴². Представляется, что после 1685 г. церковные власти России получили официально разрешённый

³⁸ Филиппов И. Указ. соч. С. 341.

³⁹ Öhlander С. Op. cit. S. 163–167.

⁴⁰ Амвросий (Орнатский), иеромонах. История российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. Ч. I. М., 1807. С. 85; Чистович И.А. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 72–73; Дмитриев А.П. История Корельской (Кексгольмской) епархии // Вуокса. Приозерский краеведческий альманах. Т. I. Вып. 2. СПб., 2001. С. 163; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 38; Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв.: Их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913. С. 73–74.

⁴¹ АИ. Т. V. С. 243–244.

⁴² Панич Т.В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского: «Естественнонаучные» сочинения. Новосибирск, 1996. С. 108, 177, 181.

доступ на шведскую территорию и, столкнувшись там с сохранением староверия, приступили к планомерной работе по распространению нового обряда.

Специальные меры предусматривали проверку на благонадёжность старых и поставление новых священников, снабженных новыми требниками и служебниками, а также особыми инструкциями, «как им в приходех своих приходцких людей надсматривать и хранить, чтоб жити во христианской вере греческаго закона, и противности и расколу святей церкви в них не было б». Для контроля над внедрением и укоренением реформы в православных приходах на шведской территории действовали тайные русские эмиссары. В патриаршей грамоте от 30 августа 1689 г. новгородскому митрополиту Корнилию предписывалось, чтобы «за свейской рубеж» тайно был послан священник, знающий карельский язык, для выяснения, «как те новопоставленные священники и которые в тех местех старые священники церковную службу действуют и коим архиереом посвящены, и ставленные грамоты у них есть ли, и приходцких своих людей управляют во христианском ли законе, и нет ли от них кого раскольников»⁴³.

О деятельности староверческих общин в шведской Карелии, о том, как староверы русско-шведского приграничья реагировали на притеснения шведских властей и на распространение нового обряда русскими церковными властями, содержат информацию материалы финских архивов, введённые в научный оборот финскими историками. Привлечение новых источников позволяет установить подробности биографий деятелей карельского сопротивления церковной реформе, локализовать места основанных ими поселений. Шведский Кексгольмский лен, соответствовавший бывшему Корельскому уезду, просуществовал до 1710 г., когда ещё до завершения Северной войны его земли были возвращены России и включены в состав новообразованной Санкт-Петербургской губернии. Население Кексгольмского лена к 1680-м гг. почти полностью сменилось. Коренные жители – карелы, будучи православными, всякий раз после занятия территории шведами (в 1580–1597, 1609–1617 и 1656–1658 гг.) предпочитали оставлять родные места и бежать в единоверную Россию. На их место переселялись финны и шведы лютеранского вероисповедания.

В 1686 г. недалеко от деревни Ойнаанваара (Боранова гора) прихода Яаккима Кексгольмского лена представители местной власти обнаружили староверческое поселение, существовавшее некоторое время тайно. Его возникновение связано с жителями деревни Ойнаанваара, в первую очередь представителями семейства Ляпери. Старший сын Хейкки Ляпери Пекка долгое время прожил в России. Вернувшись в Швецию, он стал проповедовать дореформенную веру, поддерживая контакты с русскими староверами. Первоначально осенью 1685 г. в лесу у Ойнаанваара построили большую келью братья Пекка, Антти, Самуэль и Тирикка Ляпери, которые пришли в родные места после недолгого пребывания в России. Но вскоре дом обнаружил их отец и разобрал его.

Братьям, вероятно, пришлось опять уйти в Россию, где младший, Тирикка, был заключён в олонекскую тюрьму. По слухам, зафиксированным в протоколах судебных заседаний, там его пытали раскалёнными клещами, принуждая отказаться от веры. Весной 1686 г. Пекка Ляпери и его сын Хейкки вернулись в деревню Ойнаанваара и вместе с соседом Антти Саволайненом снова построили келью в лесу. Но, как следует из протоколов дела, она оказалась слишком близко к дороге, поэтому, боясь разоблачения, они бросили этот дом и построили новый на болоте.

⁴³ АИ. Т. V. С. 325.

В образовавшейся общине насчитывалось 16 человек взрослых и детей. Время проводили в молитвах (преимущественно произносили Иисусову молитву) и поклонах, пищу им приносили родственники и соседи из деревни. О староверческой келье стало известно настоятелю церковного прихода пастору Амноринусу, который донёс пробсту Хенрику Бойсману, а тот через коменданта Кексгольмской крепости полковника Рудольфа Хорна – генерал-губернатору Йёрану Сперлингу. По приказанию последнего в деревню был отправлен отряд солдат. Прибыв к келье в конце июля 1686 г., солдаты никого не нашли (староверов предупредил сосед, и они успели скрыться). В деревне были арестованы Хейкки Ляпери, его жена и одна из невесток. Женщин увезли в крепость, а старика отпустили.

Приблизительно через месяц староверы снова собрались в келье на болоте и были обнаружены крестьянами, от которых о староверческом убежище стало известно властям. При попытке взломать дверь ночью 3 сентября 1686 г. староверы зажгли в доме порох и дрова, приготовленные для такого случая. В огне погибли пять человек, остальные сумели выбраться и убежали. Летом 1687 г. они снова построили келью в лесу между деревнями Меря и Яаккима, но новое убежище староверов просуществовало недолго. Келья была обнаружена и окружена. Отказавшиеся сдаться староверы подожгли дом, и в пожаре погибли все находившиеся в ней 11 человек⁴⁴.

Помимо сведений о староверческих поселениях в приходе Яаккима, в судебных материалах обнаружены подробности биографий некоторых участников событий. Брат старого Хейкки Ляпери Антти, сын Лаури Ляпери, переехал в деревню Ойнаанваара в 1642 г. Население её было поголовно православным, по-видимому карельским. Такое положение сохранялось до войны 1656–1658 гг., когда православные карелы вынуждены были покинуть Швецию и искать убежища в России⁴⁵. Будучи, вероятно, финнами, Ляпери остались в деревне. Однако конфессиональная и этническая принадлежность семьи Ляпери остаётся не совсем ясной. Катаяла склонен считать, что Ляпери были финнами и протестантами. Пекка Ляпери, по мнению финского учёного, прожив в России долгое время, приобщился к другой, как он считал, «истинной и самой старой вере», с энергией неопита начав проповедовать новые идеи землякам, за что подвергался преследованиям со стороны шведских властей⁴⁶.

Однако можно посмотреть на события с другой стороны. По сведениям, выявленным И.В. и М.И. Петровыми, Пекка и его жена были приговорены к тюремному заключению в Кексгольмской крепости за то, что крестили сына в России, как обычно поступали православные карелы⁴⁷. Пекка Ляпери рассказывал, что прожил 12 лет в русском монастыре, в котором перекрестили его сына Хейкки. Можно предположить, что так Пекка Ляпери называл тайное поселение, находившееся недалеко от шведской границы, где под руководством карела Илариона Пуллоева собралось большое количество противников церковных нововведений. Там Пекка мог приобрести убеждения в правоте старой веры. Прожив в России приблизительно с 1664 по 1676 г., Пекка Ляпери

⁴⁴ Катаяла К. Указ. соч. С. 25, 26, 29, 30–33, 38, 39.

⁴⁵ Петрова М.И., Петров И.В. Православные карелы Кирьяжского погоста // Православие в Карелии: Материалы 2-й международной научной конференции, посвящённой 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 130.

⁴⁶ Катаяла К. Указ. соч. С. 29–32.

⁴⁷ Петрова М.И., Петров И.В. Указ. соч. С. 129.

вернулся в Швецию, вероятно, для того, чтобы заниматься проповеднической деятельностью среди соседей. Пекка часто бывал в России, легко переходя русско-шведскую границу. В 1684 г. с ним ушли братья Антти и Самуэль, в 1685 г. – крестник его матери 14-летний Юхани Халонен и его 11-летний брат Хейкки. Сначала они жили в селе Горка у крестьянина Лаури Пулли, который перекрестил мальчиков в православие.

Знакомство и тесное сотрудничество Пекки Ляпери с Лаури Пулли, проживавшим на русской территории, следовательно, православным, более того – старовером, примечательно во многих отношениях. Во-первых, это позволяет поставить вопрос о возможности проповедования старой православной веры на шведской территории среди инославных финнов. Во-вторых, можно утверждать, что руководство проповеднической деятельностью в шведской Карелии осуществлялось староверами из-за границы. В-третьих, если допустить, что Ляпери и Халонены – финны, это указывает на существование староверия как у карельского, так и у финского населения. В то же время связи Ляпери со староверами-карелами дают основание усомниться в утверждении Катаялы о финском происхождении Ляпери и предположить, что он тоже был карелом. Возможно, отец Пекки был вынужден принять лютеранство ещё до его рождения. Поэтому Пекка был легко восприимчив к религии своих предков.

Осенью 1686 г. Лаури поселил новокрещённых братьев Халоненов в староверческой келье, находившейся у самой границы на расстоянии 1 версты. Это был большой двухэтажный дом, куда могло собраться, по словам Халонена, более 600 человек. Здесь жил монах, учивший вновь прибывавших молиться. Руководил поселением крестьянин Лаури Пулли. Через 8 дней мальчики убежали обратно в Швецию, так как у староверов было очень голодно. Кроме того, им было страшно от разговоров староверов, твердивших, что всех их собираются арестовать и что они скорее сгорят, чем откажутся от своей веры. Несовершеннолетние Халонены без труда понимали язык обитателей кельи – карелов. На третий день после побега, 19 сентября, когда братья уже находились на шведской территории, они заметили дым на том месте, где стояла келья⁴⁸.

Некоторые подробности обстоятельств гибели того же староверческого поселения содержатся в протоколах зимней сессии Сортавальского уездного суда за 1689 г. На заседание суда из Кексгольмской крепости был доставлен 75-летний краситель юфтевых кож уроженец селения Горка под Олонцом Нефпо Пуллонен. Он подозревался «в подстрекательстве к обращению в новую русскую секту и самосожжению» в районах Суоярви и Салми. В суде Нефпо рассказал, что его сын Ларион вместе со своей семьёй и 1 040 человек сгорели в большой келье, стоявшей на берегу Канаброзера в 7 верстах от шведской границы. Произошло это осенью 1686 г. при попытке стрельцов захватить староверов. Катаяла выдвигает обоснованное предположение, что речь идёт о том же событии, о котором рассказал Халонен⁴⁹.

Более того, представленные Катаялой сведения позволяют отождествить Нефпо Пуллонена с Фёдором Пуллоевым, а его сына Лаури-Лариона с Иларионом Пуллоевым. Фёдор Пуллоев упомянут в отписке олонцкого воеводы Василия Долгорукова в Новгородский приказ в 1687 г. об обнаружении староверческого поселения в Березовом наволоке Шуезерского погоста. Как сказано в отписке, «в их Падонском погосте и в ыных местех учинился мятеж

⁴⁸ Катаяла К. Указ. соч. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 34.

великий, многие люди по наученью олончанина Федки Пуллоева розбрелись и, собрався, построили пристанище от Падонского погоста за 100 за 50 верст в Шуезерском погосте в Березовом наволоке». Иларион Пуллоев также известен как ревностный защитник старой веры и активный проповедник. Его беседа заставила основателя Троицкого Виданского монастыря на реке Суне Кирилла задуматься о происшедших переменах в церковной жизни и духовном вреде новой идеологии⁵⁰.

Интересна фигура Нефпо Пуллонена (Фёдора Пуллоева), карела, который проповедовал на шведской территории и, вероятно, повлиял на мировоззрение Ляпери. Если согласиться с Катаялой в том, что представители семьи Ляпери были финнами, то следует задаться вопросом, что заставило Пекку Ляпери, финна-лютеранина, уехать в православную Россию, где и начальство, и население крайне подозрительно относились к иностранцам и иноверцам? У Ляпери перед отъездом, несомненно, был контакт с проповедником из России. Получается, что проповедь велась среди иноверцев. Для истории раннего староверческого движения это случай уникальный: ведь противники церковного реформирования в основном проповедовали среди православных, чтобы они не отступали от веры предков.

Обращают на себя внимание тесные контакты между староверами, разделенными русско-шведской границей. Выходцы из шведской Карелии Пекка Ляпери и его братья, скрываясь на территории России от преследований шведских властей, обращались за помощью, видимо, к Илариону Пуллоеву. Они находили убежище в основанном им поселении на берегу Канаброзера, вблизи шведской границы. Тирикке Ляпери удалось бежать из олонецкой тюрьмы, вероятно, не без помощи местных староверов. В 1688 г. он скрывался в родных местах в окрестностях деревни Ойнаанваара, возможно, вместе с двумя старшими сыновьями Пекки Ляпери. Сыновья одного из жителей той же деревни Юрье Саволайнена построили себе убежище в районе деревень Ладвасюря и Оникиев наволока. Ни одно поселение, как явствует из протоколов судебных заседаний, больше не было обнаружено и не сгорело. Эти факты свидетельствуют о сохранении симпатий к старой вере среди жителей приграничных районов шведской Карелии.

Без поддержки населения староверческие поселения не могли долго существовать. Их находили и уничтожали. Самосожжения происходили только в случае обнаружения властями поселений и при попытке арестовать староверов, что противоречит выводам Катаялы об их намеренном предании себя смерти в связи с ожидаемым концом света⁵¹. Из привлечённых исследователем источников следует, что тайные поселения стали возникать на шведской территории в 1685 г., когда с помощью дипломатии новгородский митрополит легализовал своё право поставлять священников в православные приходы Швеции и там началось распространение русских церковных нововведений, а одновременно усилили нажим на православных карелов представители шведских церковных властей. Как ответ на эти действия на территории Швеции, как и в России, стали появляться тайные староверческие поселения.

Северная война (1700–1721 гг.) приостановила распространение русской церковной реформы на шведской территории. Но впоследствии, когда Ижор-

⁵⁰ Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 308; ОР РГБ, ф. 98 (Собрание Егорова), д. 1137, л. 330–331.

⁵¹ Катаяла К. Указ. соч. С. 39.

ская и Карельская земли снова отошли к России и исчез такой сильный сдерживающий фактор, как граница, конфессиональная ситуация здесь уже не была столь благоприятной для приверженцев старой веры.

Военные действия значительно изменили картину территориально-административного устройства прибалтийского региона. Русские войска стали планомерно вытеснять шведов из их восточных провинций. Ингерманландия оказалась полностью во власти русских, а в Лифляндии и Эстляндии за шведами оставались только Рига, Пернов и Ревель. С 1702 г. на завоёванных территориях русское правительство устанавливало свою администрацию. Управлять новоприобретёнными землями ввиду их первостепенной государственной значимости было поручено ближайшему сподвижнику царя А.Д. Меншикову, получившему звание ингерманландского губернатора. Помощниками его стали обер-комендант Р.В. Брюс, возглавивший военное ведомство, и ландрихтер Я.Н. Римский-Корсаков, исполнявший судебные и административные функции и ведавший финансами губернии. Коменданты городов и ландраты представляли власть губернатора на местах.

Официально Ингерманландская губерния была учреждена по указу Петра I от 18 декабря 1708 г., разделившему Россию на восемь губерний. Города Ямбург и Копорье не вошли в её состав, так как стали частным владением Меншикова⁵². Летом 1710 г. Прибалтийский край полностью очистили от шведского присутствия; Ингерманландскую губернию переименовали в Санкт-Петербургскую. В 1713 г. была образована Рижская губерния, в которую, помимо территории Лифляндии, вошла значительная часть бывшей Смоленской губернии. В 1719 г. на основании указа от 29 мая все губернии разделили на провинции, а провинции – на дистрикты; на территории Эстляндии появилась Ревельская губерния. В 1727 г. деление на дистрикты упразднили, вместо них восстановили уезды.

Лишившись защиты иностранного государства и вновь столкнувшись лицом к лицу с гонителями в лице государственного аппарата и церкви, бывшие шведские староверы прибегали к покровительству отдельных священников, укрывавших их либо из симпатии к старине, либо за деньги. В 1715 г. оказывавший поддержку староверам в Копорье преображенский священник Исидор Алексеев был уволен и отправлен для разбирательства к митрополиту в Новгород. В Копорском уезде несколько лет разыскивались священники Дятлинского и Ястребинского погостов Фёдор Харлампиев и Иван Андреев «для предания суду епископа за неподачу ими с 1718 г. книг о неисповедывающихся». Дерптский священник Иван Никонов, получая взятки, выдавал староверам исповедные свидетельства. Его уличили в 1721 г., но от должности не отстранили, ограничившись штрафом. В Риге так же вёл себя священник из прихода на Русском рынке, на которого сделал донос обер-иеромонах Маркелл Радышевский в 1723 г. Этот священник (имя не названо) недавно был прислан в Ригу из Смоленска. На основании донесения Синод назначил расследование⁵³.

Впрочем, подобная деятельность священников носила эпизодический характер. Более надёжную защиту староверы получали у влиятельных вельмож,

⁵² ПСЗ-I. Т. 4. С. 436–437.

⁵³ Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого. Т. I. СПб., 1903. С. 490; *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой половине XVIII века. СПб., 1909. С. 62; ПСПР. Т. IV. С. 204; Т. V. С. 298; ОДДС. Т. I. СПб., 1868. С. 438.

на землях которых попытались укрыться от преследований. В 1710 г. санкт-петербургский генерал-губернатор кн. А.Д. Меншиков⁵⁴ предоставил во владение Феодосию Васильеву земли в Дерптском уезде в Лифляндии, составлявшие Ряпину (Раппину) мызу (находилась на западном побережье Псковского озера, на реке Выбовка). Заселение произошло в 1711 г. уже без самого Феодосия, арестованного в Новгороде и умершего в тюрьме в том же году. Во главе общины, насчитывавшей до 2 тыс. человек, встал сын Феодосия Евстрат. Его помощником был брат Феодосия Егор Васильев, а стряпчим – сын Захара Бедринского Иларион.

Поселение федосеевцев на Ряпиной мызе просуществовало около восьми лет. Оно состояло из двух общежитий – мужского и женского, в каждом были построены храмы с колокольным звоном⁵⁵. Кроме того, староверы проживали во многих деревнях Дерптского уезда. Это видно из показаний присоединившегося к православию крестьянина Ивана Парфенова, сделанных им в Синоде в 1721 г. уже после разорения ряпинского поселения: «в деревнях: Тошковичах (20 дворов), Ребере (10 дворов), Измене (6 дворов), Шульгине (6 дворов), Лыбовке (12 дворов), Парме (10 дворов) и в другой Парме (8 дворов)». К названным деревням можно добавить Воронью и Кирилино, о которых упоминали на допросах арестованные в 1719 г. при разгроме Ряпиной мызы староверы⁵⁶. Деревни были разбросаны на значительном удалении друг от друга к югу и северу от Ряпиной мызы, на западном побережье Псковского и Чудского озер.

Толчком к ликвидации староверческих «монастырей» на Ряпиной мызе послужил донос солдата Петра Тюхова о том, что староверы скрывают у себя беглых солдат. Хотя таковых не нашли, поселение было разорено. Федосеевцы, предупрежденные об опасности, в большинстве успели спастись бегством. Одни вернулись в Польшу, другие ушли в Курляндию и присоединились к общине, руководимой Макаром Никитичем. Некоторые переселились на Разину мызу (на северо-запад от Ряпиной мызы) и слились с общиной, возглавляемой Терентием Васильевичем. Оставленные староверами на Ряпиной мызе строения и имущество просуществовали, по крайней мере, до 1722 г., когда по донесению дерптского поповского старосты священника Никиты Иванова образа, книги и колокола из ряпинских общежитий были отданы в церковь Пресвятой Богородицы в Дерпте.

Примечательно, что разорение ряпинского поселения не было спланировано как целенаправленная акция против староверов. Следователи Тайной канцелярии, куда отправили захваченных там староверов, интересовались в первую очередь беглыми солдатами⁵⁷. Спустя три года Иван Парфенов на допросе в Синоде указал на известных ему бывших ряпинских староверов, проживавших в Дерптском уезде – Калину Михайлова и Марка Фомина из деревни Вороньей, Филиппа из Тошковичей, дерптского бурмистра Ульяна Григорьева, тошковичского старосту Дмитрия Данилова. Он также назвал покровителей староверов – «иноземцев» генерала или полковника Левольда и его управляющего на мызе. В литературе высказывалось мнение о благосклонном отношении к старове-

⁵⁴ Долгое время духовником Меншикова был его крестовый священник Никифор Терентьев Лебедка, который был тайным старовером и оказывал покровительство своим единоверцам (*Есинов Г.В. Указ. соч. С. 13, 25, 49, 52*).

⁵⁵ *Смирнов П.С. Споры... С. 59; Яковлев Г. Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе безпоповщины. М., 1888. С. 118.*

⁵⁶ *ОДДС. Т. I. С. 436; Смирнов П.С. Споры... С. 60; Есинов Г.В. Указ. соч. С. 92.*

⁵⁷ *Смирнов П.С. Споры... С. 61; Есинов Г.В. Указ. соч. С. 93, 98, 103.*

рам прибалтийской администрации, сохранившейся после присоединения Лифляндии к России. В прибалтийских губерниях староверы чувствовали себя значительно свободнее, чем в других областях России.

Под именем Левольд следует подразумевать кого-либо из представителей лифляндского аристократического рода Левенвольде, которым позднее стала принадлежать Ряпина мыза. Вероятно, имеется в виду барон Герхард Иоганн Левенвольде, бывший майор шведской армии, приговорённый Карлом XI к смертной казни за протест против редукций, бежавший и перешедший на службу к Петру I, который поручил ему исполнять обязанности «пленипотенциария» (главного уполномоченного) в Прибалтике. Возможно, речь идёт о сыне Герхарда Иоганна графе Карле Густаве Левенвольде, исполнявшем должность генерал-адъютанта при Петре I⁵⁸.

Старовер Филипп, по утверждению Парфенова, будто бы «увез из Петербургской крепости ряпинских расколоучителей» и открыто жил в Тошковичах. Население этой деревни сочувствовало староверам. При помощи земляков Филиппу и крестьянам деревни Вороньей Марку Фомину и Калине Михайлову удалось избежать ареста и скрыться за польским рубежом. Тошковичский староста Дмитрий Данилов был по этой причине вытребован в Синод и там вынужденно принёс покаяние. Дерптского бурмистра Ульяна Григорьева тоже вызвали в Синод и разоблачили как тайного старовера, при этом пострадал укрывавший его священник Иван Никонов (оштрафован на 15 руб.). Ульян Григорьев на допросе показал, что родился в Новгороде, занимался торговлей, часто выезжал за польскую границу. В имении пана Куницкого он познакомился с Феодосием Васильевым и проникся идеями старой веры, после чего в Пскове распространял староверие и перекрещивал, по его словам, до 1710 г. Его отправили из Синода к поручику П. Зиновьеву, производившему с 1721 г. розыск староверов в Псковском уезде и Прибалтике, с повелением взыскать с него штрафные платежи, начиная с 1716 г.⁵⁹

В Копорском уезде, как явствует из донесения поручика Зиновьева от 1721 г. и допроса старовера Фёдора Федотова, проведённого в 1719 г., староверы во множестве обитали в принадлежавших кн. А.Д. Меншикову деревнях Заречье, Фалилеево и Скрыля. Возможно, из них и состояла копорская община, где долго наставничал Симон Иевлев. Последний, если доверять точности показаний Фёдора Федотова, до 1712 г. уже оставил свою общину, уступив первенство Константину Фёдорову, и переселился в Выговское общежительство. Деревня Грязная, заселённая староверами – выходцами из Новгородского уезда, принадлежала царице Прасковье Фёдоровне, которая симпатизировала староверам⁶⁰. Названные деревни располагались в юго-восточной части Копорского уезда, на стыке его с Ямбургским и Новгородским (недалеко от бывшей русско-шведской границы).

Уход из копорской общины Симона Иевлева связан с приёмом беглых священников из господствующей церкви и начавшимся процессом «мирщения» у молодых членов общины. Филиппов привёл описание этого процесса: «а егда после умножися жители и начаша жити своевольное житие, не храняще сего вышписаннаго своего нынешняго христианскаго гонительнаго времени умножися всякое безчиние, пьянство и нечистота, и между собою вражды и ссоры, и церковное несогласие, и начаша молодые люди жениться, держа у себя тайных попов».

⁵⁸ Подмазов А.А. Церковь без священства. Рига, 1973. С. 38.

⁵⁹ ОДДС. Т. I. С. 436–438.

⁶⁰ Там же. С. 661; *Есипов Г.В.* Указ. соч. С. 96; *Смирнов П.С.* Споры... С. 63; *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. I. М., 2002. С. 432.

Спустя некоторое время после ухода Симона Иевлева на Выг вставший во главе копорской общины ученик Феодосия Васильева новгородец Константин Фёдоров женился и, отказавшись от прежних убеждений, в 1718 г. присоединился к господствующей церкви. В Санкт-Петербурге его посвятили в священники и определили протопопом в Ямбург⁶¹. Первым его шагом после обращения был донос на крестьян-староверов деревень Чёрная и Сосницы Ямбургского уезда. Протопоп Константин активно содействовал церковным и светским властям в выявлении староверов в Копорском и Ямбургском уездах, занимался увещаниями и беседами с ними, вёл полемику с бывшими товарищами. По рекомендации Синода его указаниями пользовался поручик Пётр Зиновьев, посланный в 1721 г. в упомянутые уезды для переписи староверов и взимания с них штрафов и двойного оклада⁶².

Относительно Константина Фёдорова в литературе утвердилось предположение, что он перед обращением в православие был настоятелем общины староверов на Ряпиной мызе. Впервые это утверждение высказал епископ Винницкий, будущий митрополит Московский Макарий (Булгаков) в 1855 г. Его предположение основывалось на двух источниках – рукописи из его собственного собрания «О начале раздора Феодосиевых с Выгорецким общежитием и о причине того, чего ради оный бысть» и царской грамоте от 13 февраля 1718 г., напечатанной в V томе Свода законов Российской империи. В рукописи Константин назван настоятелем поселения на Ряпиной мызе. Епископ Макарий охарактеризовал это сочинение как «рукописную повесть, составленную неизвестным поморцем»⁶³, т.е. он не знал, кто был её автором, и доверился его словам.

Спустя 14 лет Николай Попов, поместивший эту рукопись в сборнике материалов по истории беспоповцев, указал, что «1796 года сию историю сочинил Тимофей Андреев, поморской Лексинской старшина». Это был известный выговский писатель Т.А. Серебренников (1745–1809), возглавлявший мужское Лексинское общежитие в 1791–1809 гг. Его сочинения отличались достоверностью, особенно когда речь шла о событиях, которым он был свидетелем. Однако в ходе полемики с федосеевцами на первое место выступали идеологические цели, а не фактическая точность, от которой автор мог сознательно отступить. Описывая разорение поселения на Ряпиной мызе, он представил его как следствие неблагочестивой жизни федосеевцев: «ибо ту поселившиеся начаша жити житием весьма многоззорным, пьянственные и всяких безчинств умножишася сонмы, и всякая возрасте нечистота, подавляющая совсем чистую ниву; отседе юноши и девы потекоша скорыми ногами к новолюбному браку, отседе отверзеса дверь еретиконедугующему священству».

На самом деле указанные пороки имели место в жизни копорских староверов⁶⁴. По моему мнению, Серебренников умышленно перенёс эти неурядицы на Ряпину мызу. Константин Фёдоров упомянут им наряду с жившим в Копорском уезде Симоном Иовлевым, которого сменил в наставничестве Константин. Но почему-то Серебренников при этом писал о Ряпиной мызе в Дерптском уезде.

⁶¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 341–342.

⁶² ОДДС. Т. I. С. 661; Т. V. С. 127.

⁶³ Макарий (Булгаков). Указ. соч. С. 269; О начале раздора Феодосиевых с Выгорецким общежитием и о причине того, чего ради оный бысть // ЧОИДР. 1869. Кн. II. Отд. V. Смесь. С. 99.

⁶⁴ О начале раздора... С. 98, 99, 106; Юхименко Е.М. Указ. соч. С. 453; Филиппов И. Указ. соч. С. 341–342.

Что касается информации о Константине Фёдорове, содержащейся в царской грамоте 1718 г., то там нет прямых указаний на его настоятельство и жительство на Ряпиной мызе: «в нынешнем 1718 году генваря в день, будучи на Москве явились Нам из раскольников Копорского и Ямбургского уездов Константин Фёдоров с товарищи (которые были учения Федосеева, и прочих раскольников, которые собрание имеют в Дерптском уезде, в Ряпиной мызе) и познавши они, Константин с товарищи, свое раскольническое неправое Церкви святой противление, от раскола обратилися, и в соединение ко святой Церкви пришли, и Нам повинную принесли, и имеют они желание и других оставшихся в Копорском и Ямбургском, также и в Дерптском уездах раскольников от раскола обращаться»⁶⁵. На мой взгляд, Макарий (Булгаков) неправильно истолковал текст грамоты, объединив Константина Фёдорова с товарищами из Ямбургского и Копорского уездов с другими староверами из Дерптского уезда и поместив его, таким образом, на Ряпину мызу. Следует отметить, что ни в одном другом источнике, помимо сочинения Серебренникова, не указывается, что в первое десятилетие после смерти Феодосия кто-либо ещё, кроме его сына Евстрата, возглавлял общину.

Вышеизложенный материал позволяет сделать следующие наблюдения. За период от Столбовского мира 1617 г. до второй половины 1680-х гг. находившиеся на территории Шведского государства православные приходы в большинстве не восприняли происшедшие в России церковные изменения. В Швецию бежали многие миряне и священники, не согласные с русской церковной реформой, и находили приемлемые условия для сохранения старой веры. Притеснения православия в Швеции не шли ни в какое сравнение с жестокими мерами русского правительства по искоренению староверия в России. Как правило, беглецы были выходцами из ближайших к границе районов Новгородского и Олонецкого уездов.

Проникновение в конце 1680-х гг. нового обряда в Швецию шло медленно и осторожно. Новгородский митрополит к началу 1690-х гг. не владел информацией о подлинном состоянии дел в православных приходах Швеции, а его агенты были вынуждены действовать на иностранной территории тайно. После потери шведами карельских, ижорских и прибалтийских земель укрывавшимся там беглецам из России пришлось приспособляться к новым условиям существования. Староверческие общины находили покровителей среди первенствующих лиц в государстве и некоторых служителей церкви, подкупая их. Если под защитой священников можно было существовать лишь тайно, то на землях могущественных вельмож староверы жили и исповедовали свои убеждения открыто. Этому способствовало лояльное отношение местной администрации к поселенцам. В данном случае интересы и действия церковных и светских властей не совпадали.

Но центральные власти не отступали от общегосударственной программы в церковной политике. Прикомандированный в 1721 г. из Военной коллегии в Синод поручик П. Зиновьев действовал в прибалтийском регионе, руководствуясь инструкцией Синода, невзирая на местные условия. В ответ староверы либо переходили на нелегальное положение, либо переселялись в Польшу или в Курляндию, ища убежища на территории иностранного государства. Примечательно, что староверы, вновь испытавшие преследования в бывших шведских владениях, предпочитали уходить за границу или скрываться иным образом, но не подвергали себя самосожжению.

⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 5. С. 542–543.